

УДК 94(73)"1981"

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-45-56

EDN: FGHZDZ

ASJC 3302

ГРНТИ 03.91

Ссылка для цитирования: Юнглод В. Т. Администрация Р. Рейгана и преодоление «наследия разрядки»: фактор технологического превосходства в политике США в отношении СССР (1981–1983) // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 45–56. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-45-56. EDN: FGHZDZ

АДМИНИСТРАЦИЯ Р. РЕЙГАНА И ПРЕОДОЛЕНИЕ «НАСЛЕДИЯ РАЗРЯДКИ»: ФАКТОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА В ПОЛИТИКЕ США В ОТНОШЕНИИ СССР (1981–1983)¹

В. Т. Юнглод

Вятский государственный университет, 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36

valerteod@gmail.com

ResearcherID: J-8665-2016

Scopus Author: 57189852953

SPIN-код: 5963-4539

Раскрываются обстоятельства выработки в США политики в отношении СССР и ее претворения в жизнь в первые два года пребывания у власти администрации Р. Рейгана. Выступая во время предвыборной кампании 1980 г. с позиций ужесточения антисоветского курса и возобновления холодной войны, Рейган и его сторонники из консервативного крыла республиканской партии столкнулись с инерцией разрядки, на преодоление которой были направлены значительные усилия. На основе оцифрованных материалов мемориального Центра президента США Р. Рейгана, документов Государственного департамента США и ЦРУ, а также документов отечественных архивов (РГАЭ и РГАНИ) в статье предпринята попытка прояснить, когда и при каких обстоятельствах происходило формирование стратегических установок администрации Рейгана в отношении СССР и социалистических государств и какое место в этой политике отводилось трансферу технологий. Используя в качестве главного исследовательского инструмента метод историко-динамического анализа, автор приходит к заключению, что, определяя модель поведения в отношении СССР в конце 1981 г., Рейган и его команда руководствовались не бинарной логикой (политика или экономика), а «целостным стратегическим подходом», интегрирующим политические, экономические и технологические аспекты. В рамках этой триады способность генерировать новейшие технологии стала оцениваться как преимущество, за счет которого Соединенные Штаты получали шанс добиться превосходства в соперничестве с СССР. В статье также обосновывается вывод о том, что администрации Рейгана не удалось полностью преодолеть инерцию разрядки и с чистого листа начать «второе издание холодной войны». Ее агрессивная риторика и репрессивные политические практики в значительной мере уравнивались позицией европейских союзников и сохранявшимися со времен детанта соглашениями и обязательствами.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Р. Рейган, санкции, трансфер технологий, научно-техническое взаимодействие, холодная война.

Введение

Когда в 1981 г. в США к власти пришла администрация Р. Рейгана, термин «разрядка» из политического лексикона еще не ушел. Хотя события 1979–1980 гг. (ввод советского воинского контингента в Афганистан, захват американских заложников в Иране, решение о размещении американских ракет в Европе, конфликты в Никарагуа и Сальвадоре) заметно взвинтили настроения воинственности, о приливе миролюбия, случившемся в первой половине 1970-х гг., и надеждах на создание надежной и всеобъемлющей системы безопасности в США еще помнили и избиратели, и политические элиты. Разрядка как особый режим взаимодействия сверхдер-

жав уходила в прошлое, но ее инерция и в общественных настроениях, и в международной жизни ощущалась. Многие соглашения, принятые в 1970-е гг., сохраняли силу, продолжались запущенные тогда политические процессы, выполнялись согласованные международные обязательства. Несмотря на резкое ухудшение отношений между Москвой и Вашингтоном, лидеры большинства государств Старого Света не желали отказываться от торговли и сложившихся научных, технических и культурных связей с СССР, приносивших немало выгод. В Вашингтоне не могли игнорировать эти обстоятельства, при том что в окружении президента само слово «разрядка» было табуировано, считалось синонимом слабости и пораженчества.

В данной статье будет предпринята попытка прояснить, когда (до или после победы на выборах) и при каких обстоятельствах происходило формирование стратегических установок администрации Рейгана в отношении Советского Союза и социалистических государств, как «наследие разрядки» проецировалось на целевые установки политики администрации Рейгана и влияло на них, какое место в этой политике отводилось трансферу технологий. Ответы на эти вопросы важны для понимания событий завершающего этапа холодной войны сверхдержав и природы ее итогов.

Эпоха Р. Рейгана изучалась как российскими, так и зарубежными историками [Гарбузов, 1999; Лидер на фоне эпохи, 2022; Brands, 2015; Brown, 2016]; имеются работы, посвященные американо-советским отношениям в 1980-е гг. [Зубок, 2023; Печатнов, Маныкин, 2012; Garthoff, 1994; Bailey, 2016; Paulauskas, 2015]. Богатый фактический материал и ценные выводы по военно-политическим, экономическим и дипломатическим аспектам этих отношений представлены в книгах и статьях ряда российских и зарубежных историков [Батюк, 2018; Бокарев, 2009; Юнгблюд, 2024; Юнгблюд, 2025; La Barca, 2023; Oreskes, Krige, 2014]. Предметом отдельных исследований становились взаимодействия двух держав в сфере науки и технологий [Irwin, 1993; Rabkin, 1988; Schweitzer, 1989; Schweitzer, 2004; Sher, 2019; Wolfe, 2013], а также применения в отношении СССР санкций (Bornstein, 1985; Gustafson, 1981) [Боровский, 2019; Рабуш, 2019; Швейцер, 2021; Якупов, Якупова, 2021]. Сюжеты, связанные с отношением администрации Рейгана к «наследию разрядки» в области торговых отношений и научно-технологических обменов в них, как правило, не выделяются, либо затрагиваются косвенно, не становясь предметом специального изучения.

Исследование выполнено с опорой на методы системного, ретроспективного и историко-генетического анализа, позволяющие проследить трансформацию политики администрации Рейгана в отношении СССР в процессе постановки внешнеполитических задач в начале первого президентского срока.

В процессе подготовки статьи были использованы оцифрованные материалы мемориального Центра президента США Р. Рейгана, документы Государственного департамента и ЦРУ. Американские источники дополнены материалами отечественных архивов – РГАЭ, РГАНИ. Используются мемуары и дневники американских и советских государственных деятелей и дипломатов.

Руководящий принцип: «мир через силу»

20 января 1981 г. президентом США стал Р. Рейган. Во время предвыборной кампании, находясь в роли претендента на пост главы государства, он подавил своего соперника Дж. Картера напором обвинений в нерешительности, слабости, вялой реакции на ввод советских войск в Афганистан и беспомощном поведении во время кризиса с заложниками в Иране. Однако регулярно звучавшие выпады в адрес Москвы и политики разрядки, свидетельствовавшие о его анти-советском настрое, ничего не говорили о том, располагала ли его команда к моменту прихода к власти продуманной стратегией действий в отношении СССР. Ни инаугурационная речь, ни первые публичные выступления в статусе главы государства ясность в этот вопрос не внесли. С самого начала первого президентского срока он демонстрировал решимость «добиться мира посредством силы, а не листка бумаги» и декларировал курс на подрыв международного авторитета СССР (Рейган, 1990, с. 86–87; Рейган, 1992, с. 267) [Печатнов, Маныкин, 2012, с. 510–511]. Что касается практических действий, то его администрация имела возможность не торопиться с продвижением собственных политических инициатив, поскольку команда Дж. Картера под занавес

своего правления запустила мощный конвейер антисоветских санкций, против которых у пришедших к власти республиканцев принципиальных возражений не было².

Вступая в президентскую должность, Рейган с первых же дней заявил о готовности выполнить программу масштабных реформ: остановить экономический кризис в стране, изменить систему налогообложения и оздоровить государственную власть, сделав ее более дешевой и эффективной. Для претворения в жизнь этих инициатив у него был подготовлен четкий план, сформулирован пакет президентских указов и подобрана команда исполнителей [Гарбузов, 1999, с. 170–172]. В области внешней политики такую программу еще предстояло создать.

Биограф президента Х. Брэндс пишет: «Рейган не был расчетливым, но он был практичным» [Brands, 2015, p. 423]. На его прагматизм указывают и российские авторы [Лидер на фоне эпохи, 2022, с. 59–62; Согрин, 2015, с. 401]. Эти характеристики многое объясняют в действиях администрации в начале 1981 г. В самом первом выступлении в роли президента, например, он почти ничего не сказал о своих внешнеполитических планах; им посвящен всего один абзац о том, что при нем Америка будет сильной и, *если в интересах национальной безопасности потребуются решительные действия, его администрация «не будет долго раздумывать» и делает все, чтобы победить, «когда это будет необходимо»* (Inaugural Address..., 1981). Это было очень предусмотрительное и запоминающееся заявление. Позднее Рейган признается, что, будучи президентом, он намеренно повторял мысли, которые считал важными, чтобы его слова дошли до сознания людей. «Мир через силу» – это заявление было важным, современники его запомнили [Лукьянов, 2025]. Остальная часть инаугурационного абзаца запомнилась не так хорошо, хотя она была не менее важной. В ней сказано, что «силу» и «решительные действия» его администрация будет демонстрировать только в тех случаях, «если потребуются». Получалось, что по существу сказанное заявление носило не агрессивный, а оборонительный и предупредительный характер. Оно не содержало программы, а лишь декларировало ее общий принцип. Практический подход побуждал Рейгана, прежде чем сообщать о конкретных намерениях, изучить текущее состояние отношений с «главным противником» – с Советским Союзом – как в двустороннем формате, так и в широком контексте международных отношений. Без этого нельзя было выстроить «практичную» политику.

Говоря об особенностях начавшегося с приходом администрации Рейгана периода истории, исследователь американско-советского научно-технического соперничества Одра Вульф отметила, что «холодная война Рейгана отличалась от холодной войны Эйзенхауэра» [Wolfe, 2013]. Главное отличие она видела в том, что для Рейгана международные дела и политика в сфере науки и технологий в значительной степени определялись его консервативной внутриполитической повесткой. Вульф пишет: «Двойная озабоченность, – национальная оборона и приватизация, – сформировала курс американской политики в области науки и технологий в последние годы холодной войны» [Ibid., p. 121]. В этом замечании справедливо указано на стремление президента распространить свою внутриполитическую стратегию, «рейганомнику», на управление наукой и использовать этот прием в технологическом соперничестве с СССР. Однако в первые месяцы пребывания в Белом доме в политике Рейгана в отношении СССР такой подход не акцентировался. Президент предпочитал говорить об агрессивном поведении русских в разных частях мира, о нарушении Москвой прав человека, об исторической обреченности социализма и необходимости превзойти его экономически и в военном отношении. Одновременно в администрации велась работа по изучению всех деталей сложившейся структуры двусторонних американско-советских отношений, включая сохранившиеся контакты в области науки и технологий. Делалось это для того, чтобы можно было дифференцированно отнестись к каждому конкретному аспекту актуальной повестки.

Триада целей: экономика – политика – технологии

Согласно оценкам ЦРУ, в 1960–1970-е гг. сложилось более двадцати разнообразных механизмов научно-технического взаимодействия и трансфера технологий, посредством которых Советский Союз получал доступ к американским открытиям и ноу-хау. Пятнадцать из них имели легальный характер (от покупки Советским Союзом предприятий и готовых технологиче-

ских линий до организации совместных исследований и участия в научных мероприятиях)³. Наличие этих механизмов было важной отличительной чертой «холодной войны Рейгана», рассматривавшего отдельно каждое направление взаимодействия, чтобы выработать собственное к нему отношение.

Александр Хейг, вспоминая о своей непродолжительной карьере госсекретаря в кабинете Рейгана, писал: «Сразу после избрания у президента появляется непродолжительный период времени для того, чтобы утвердить свою внутреннюю и внешнюю политику и выдвинуть соответствующие инициативы. Если он не сообщает, что именно он намерен делать и в кратчайшие сроки не приступает к выполнению намеченных дел, то он быстро обнаружит, что не он управляет событиями, а события управляют им» (*Haig, McCarry*, 1992, p. 546). Судя по документам государственного департамента, пришедшей к власти республиканской администрации для подготовки первых контуров долговременной политики в отношении СССР потребовалось девятнадцать с половиной недель. Первый всеобъемлющий меморандум о взаимоотношениях между Востоком и Западом руководители внешнеполитического ведомства представили президенту 4 июня 1981 г. В нем ставилась задача объединить разрозненные направления политики в «целостный стратегический подход», пригодный для применения в последующие годы (*FRUS*, 2016, p. 170). Этот пятидесятистраничный меморандум Б. Макфарлейн, в то время занимавший пост советника государственного секретаря, назвал «лучшим аналитическим документом из всех, что ему доводилось видеть»⁴.

Проблемы взаимодействия с СССР в сфере науки и технологий на этом этапе специально не рассматривались, но и не игнорировались. Они помещались в более широкий контекст мероприятий по охране секретной информации в интересах государственной безопасности и торговли. В качестве ключевых пунктов предлагались: а) строгий контроль «над передачей технологий, важных для военного производства и промышленных секторов, косвенно поддерживающих военный потенциал»; б) блокирование советского экономического и энергетического влияния на государства Западной Европы с целью ограничения, а в идеале – полного исключения политической зависимости союзников США от поставок советских углеводородов; в) уклонение от любых соглашений, так или иначе облегчающих Москве бремя ее собственных экономических и политических проблем, включая ответственность за судьбы государств Восточной Европы (*Ibid.*, p. 174–175).

Идеи меморандума были поддержаны на самом высоком уровне. 17 мая, выступая перед выпускниками Университета Нотр Дам, президент заявил: «Запад не будет сдерживать коммунизм, он превзойдет его. Он не станет его отвергать или осуждать, он отбросит его как какую-то странную главу в истории человечества, последние страницы которой пишутся уже сейчас» (*Address at Commencement Exercises...*, 1981).

Таким образом, политическое кредо Рейгана («превзойти социализм») было сформулировано и провозглашено. Теперь наступала пора подготовки плана конкретных мероприятий (*East-West Policy Study*, 1981). С этой целью в июле – октябре 1981 г. было проведено несколько заседаний Совета национальной безопасности (СНБ) и специального Межведомственного комитета по американо-советским делам.

Повестка этих совещаний была всецело подчинена выработке позиции в отношении текущих процессов, истоки которых уходили в эпоху детанта. Она готовилась в государственном департаменте и включала четыре пункта: а) о соблюдении интересов государственной безопасности США в торговле с СССР; б) об установлении контроля за экспортом оборудования и технологий для нефтяной и газовой отраслей СССР; в) о Сибирском газопроводе; г) о выдаче лицензии компании «Катерпиллар» на поставку в СССР 100 трубоукладчиков.

Подготовительные материалы к заседаниям СНБ содержали краткую справку о развитии нефтегазового комплекса в СССР, потенциальных экономических и политических последствиях ввода в эксплуатацию экспортного магистрального газопровода, соединяющего месторождения Северо-Западной Сибири с государствами Европы, с учетом ожидаемых валютных поступлений в бюджет СССР, укрепления технологической базы советской экономики (особенно ее оборонного комплекса) и возможного роста политической зависимости государств Западной Европы от

советских углеводородных поставок. Для каждого из четырех пунктов повестки были проработаны альтернативные варианты ответов, различавшиеся уровнем жесткости санкционных действий (National Security Council Meeting on June 30 on East-West Economic Relations, 1981).

Протоколы заседаний СНБ и сопроводительные материалы к ним указывают на то, что эти совещания были действительно «рабочими». На них кипели страсти, сталкивались полярные позиции. Ничто заранее предрешено не было. Отличительной чертой состоявшейся во время этих заседаний полемики было стремление найти оптимальный баланс между политическими целями, экономическими интересами и технологическими приоритетами Соединенных Штатов. А. Хейг и его сторонники в Госдепартаменте призывали ужесточить процедуры продажи СССР и социалистическим государствам новейших технологий военного назначения как по каналам двусторонней торговли, так и по линии КОКОМ (FRUS, 2016, р. 206). И эта позиция считалась умеренной, поскольку оппоненты госсекретаря из Министерства обороны, ЦРУ и СНБ настаивали на том, что Соединенным Штатам не следует ограничивать рестрикции наукоемкой продукцией, имеющей военное или двойное назначение. Они вели речь о запрете передавать социалистическим странам любые изделия и технологии, способствующие укреплению их конкурентоспособности.

У такой установки имелось рациональное обоснование, сводившееся к тому, что случившаяся в 1970-е гг. либерализация торговли с Москвой и приток твердой валюты вследствие роста цен на нефть в 1973 г. «позволили режиму Брежнева прибегнуть к трансферу технологий из развитых стран Запада», наращивая свое влияние в Западной Европе и распространяя амбиции на страны третьего мира. В этой логике получалось, что торгово-экономические и научно-технические процессы эпохи детанта не укрепили мир и безопасность, а, наоборот, «вымостили дорогу» к возобновлению политической конфронтации и экономической конкуренции в отдельных сегментах мирового рынка [Oreskes, Krige, 2014, р. 436–437].

Исследования разведки, завершенные к середине ноября 1981 г., казалось, подкрепляли тезис о «вредоносности разрядки» и указывали на высокую степень зависимости советской экономики от западных технологий и кредитов на закупку оборудования для объектов нефтегазового комплекса, производства станков для промышленных предприятий, химических технологий и электроники. В то же время в них сообщалось, что любые санкции будут сопровождаться негативными последствиями не только для СССР, но и для Запада. Особо подчеркивалось, что «односторонние действия США будут неэффективны» (FRUS, 2016, р. 352). Но и при оптимальном для США сценарии успех, по мнению разведчиков, гарантирован не был: «Даже в том случае, если экономические санкции Запада будут длительными и всеобъемлющими, они вряд ли смогут существенно поколебать советскую военную мощь, по крайней мере в течение ближайшего десятилетия. На жесткие меры Запада Советы почти наверняка ответят тем, что при распределении ресурсов еще выше поднимут приоритет оборонных заказов. Если и случится сокращение военных программ из-за того, что они не сумеют создать необходимую высокотехнологичную производственную базу, то это будет происходить очень медленно» (Ibid, р. 352–353).

Речь о скорой победе в холодной войне, таким образом, не шла, вместо этого предлагалось вернуться к «сдерживанию коммунизма», но уже на более высоком, чем раньше, витке технологического развития⁵.

Прогнозировалось, что максимальный эффект от тотального и длительного применения экономических санкций против СССР со стороны консолидированного Запада (в случае использования этой меры) проявится в 1990-е гг. и позднее (Dependence of Soviet Military Power on Economic Relations with West, 1981). Но Запад в тот момент консолидированным не был, и это также было частью политического наследия периода разрядки.

Рассматривая нюансы дебатов в администрации Рейгана по вопросу о возможном принятии санкций против СССР в 1981–1982 гг., Ю. В. Боровский отмечает, что мотивы, определившие в конечном счете окончательный выбор стратегии носили не экономический, а сугубо политический характер: «Оценивая политику Рейгана в отношении советской энергетики, можно утверждать, что главным, а скорее единственным, ее мотивом было политическое соперничество с СССР» [Боровский, 2019, с. 48].

Не ставя под сомнение фактор политических предпочтений президента США, игравший существенную роль при принятии им ключевых решений, следует все же отметить два обстоятельства. Во-первых, вряд ли можно назвать продуктивным противопоставление политических и экономических мотивов в мышлении Рейгана и представителей его администрации, выделяя один из них в качестве доминирующего. Дебаты в СНБ и на других уровнях принятия решений указывают на то, что члены правительства стремились сбалансировать политику с экономикой, и в конечном итоге им удалось это сделать. К тому же (и это, во-вторых) в процессе дискуссии выкристаллизовался третий фактор, выходящий за рамки дихотомии «политика или экономика». Речь идет о факторе технологий. Возникнув изначально в качестве сопутствующего аргумента, к моменту завершения дискуссий он приобрел вполне самостоятельный статус. Поэтому, определяя модель поведения в отношении СССР в конце 1981 г., Рейган и его команда руководствовались не бинарной логикой (политика vs экономика), а «целостным стратегическим подходом» (FRUS, 2016, р. 169–170), интегрирующим политические, экономические и технологические аспекты. Причем способность генерировать новейшие технологии стала оцениваться как преимущество, за счет которого Соединенные Штаты получали шанс добиться превосходства в соперничестве с СССР.

«Целостный стратегический подход»

К концу 1981 г. администрация Рейгана в целом завершила анализ состояния советской экономики и подготовку плана действий, призванных обеспечить достижение цели, провозглашенной Рейганом еще в мае («превзойти социализм»). К общему мнению участникам дискуссий на этом этапе прийти не удалось. Президент в конечном итоге поддержал позицию консервативного крыла своей администрации⁶. Суть этого плана состояла в осуществлении безоговорочного поворота от разрядки к холодной войне. Для этого предлагалось:

– лишить Советский Союз и его союзников доступа к передовым западным (прежде всего – американским) технологиям, программируя его отсталость на обозримый период истории всеми возможными средствами (санкции, ужесточение экспортного контроля, истощение советских валютных запасов, отказ в выдаче кредитов, сведение до минимума научно-технических контактов);

– минимизировать угрозу распространения влияния Москвы на страны Западной Европы, исключив установление зависимости союзников США по НАТО от поставок советского газа по Сибирскому газопроводу.

Таким образом, главным детищем стратегических сессий верхнего эшелона власти США в 1981 г. стала идея санкций. Их объявление в конце декабря не было прямым следствием введения военного положения польским премьер-министром Войцехом Ярузельским: ухудшение обстановки в Польше всего лишь создало *casus belli*, позволивший США применить меры, которые дебатировались исполнительной властью на заседаниях СНБ и Межведомственной комиссии несколько месяцев и оформились в конкретный план, ждавший своего исполнения [La Barca, 2023, р. 59–60]. Этот план включал введение эмбарго на поставки американского нефтяного и газового оборудования и технологий в Советский Союз, которое привело к острым дипломатическим коллизиям между США и западноевропейскими союзниками⁷ [Robinson, 2016, р. 171]. Кроме того, была приостановлена выдача лицензий на экспорт в СССР электронного оборудования, компьютеров и других высокотехнологичных изделий, также было объявлено, что не будут продлены двусторонние соглашения о научных обменах, подлежащие пролонгации в 1982 г., включая соглашения о сотрудничестве в области науки и техники, энергетики и исследований космоса (Statement on U.S. Measures Taken Against the Soviet Union Concerning Its Involvement in Poland, 1981).

История эмбарго на поставки оборудования для советского газопровода изучена довольно подробно и отличается полнотой выводов и оценок [Paulauskas, 2015; Якунов, Якунова, 2021]. Вопреки мнению Р. Робинсона⁸, утверждавшего, что «процессы, запущенные в наиболее интенсивный период применения президентом его санкционной стратегии в 1981–1983 гг., сделали крушение СССР неизбежным» [Robinson, 2016, р. 172], успех эмбарго был неочевидным, а

попытка вовлечь в него европейских союзников и вовсе не удалась. П. Хогселиус в этой связи пришел к заключению, что США не смогли «направить процесс в нужное для них русло» и признали, что «эмбарго навредило больше Европе, чем Советскому Союзу» [Хогселиус, 2024, с. 397]. Рейган и сам быстро осознал бесперспективность этого решения. Уже в конце февраля 1982 г. на заседании СНБ он произнес нетипичную для себя покаянную реплику: «Должен признаться, что я был беспечен. Когда я объявлял о санкциях, я считал, что Соединенные Штаты были доминирующим фактором в том, что касается строительства трубопровода. Мэгги Тэтчер заставила меня понять, что я ошибался» (FRUS, 2016, р. 492). Спустя еще три месяца он назвал санкции «дырявым ситом» (Ibid., р. 564).

29 ноября 1982 г. президент США подписал Директиву СНБ-66, предусматривающую отказ от эмбарго на нефтегазовое оборудование и технологии для Советского Союза, предписывающую вместо санкций добиться от стран НАТО согласия не брать на себя никаких дополнительных обязательств по закупке советского газа «сверх объемов, предусмотренных контрактом для первой нитки сибирского трубопровода»; расширить список критически важных технологий и оборудования КОКОМ, «включая оборудование в нефтегазовом секторе»; максимально усложнить процедуры кредитования СССР и стран Варшавского договора⁹ (Ibid., р. 812). Остальная часть действовавшего санкционного пакета, включая репрессивные меры, введенные еще администрацией Картера, осталась без изменений.

Заключение

В августе 1983 г. председатель Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) академик АН СССР Г. И. Марчук в одном из интервью, отмечал в целом незначительное влияние эмбарго на темпы и качество строительства газопровода, указав, что, столкнувшись с санкциями, СССР сумел наладить производство собственных газокompрессорных станций (РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 13. Д. 1307. Л. 174–175). Дело, однако, было не только в газокompрессорных станциях, поскольку перечень санкционированных товаров был довольно обширным, и далеко не все импортные позиции удалось своевременно заместить отечественными изделиями. Санкции все же нанесли существенный экономический ущерб, хотя он и не был фатальным.

По современным оценкам, «ввоз нефтегазового оборудования за 1970–1983 гг. в стоимостном выражении увеличился в 80 раз, а его физический объем – в 38 (1) раз». Объем ввозимых в СССР высокотехнологичных изделий в 1983 г. составлял лишь 5 %. Санкции стали одной из причин роста внешнего долга страны, к 1985 г. достигшего 27,2 млрд долларов [Сафонов, 2025, с. 629, 691]¹⁰.

Тем не менее для оценки санкционной стратегии Рейгана как «провальной» основания все же были: на этом этапе инерция разрядки оказалась более весомым фактором, чем политический порыв администрации, не сумевшей сходу вовлечь в орбиту своей стратегии европейских партнеров. Отношения сверхдержав продолжали развиваться на фоне этих инерционных европейских процессов еще несколько лет¹¹.

Еще в сентябре 1981 г. было подготовлено специальное исследование национальной разведки, в котором указывалось, что Соединенным Штатам в обозримом будущем будет нелегко заручиться поддержкой союзников в вопросах ограничения торговли и иных форм сотрудничества с СССР, прежде всего из-за их «желания восстановить климат разрядки в Европе и избежать обострения напряженности между Востоком и Западом» (FRUS, 2016, р. 705). В разведывательных структурах США работали хорошие аналитики. События первой половины 1980-х гг. свидетельствуют о том, что этот вывод в целом адекватно отражал реалии международной жизни и не противоречил заключениям, к которым в это же время приходили советские аналитики. В апреле 1985 г. академик Г. А. Арбатов в письме М. С. Горбачеву утверждал, что «разрядка в Европе не умерла, даже если говорить об официальных межправительственных отношениях», и приводил в подтверждение своих слов убедительные аргументы (РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 6).

Администрации Рейгана не удалось сходу полностью преодолеть инерцию разрядки и с чистого листа начать «второе издание холодной войны», хотя на этом направлении ей удалось продвинуться довольно далеко. Громкие антисоветские заявления, идеологические выпады и

факты экономического давления и технологического противоборства уравнивались оппозиционностью европейских союзников, сохранявшимися со времен детанта соглашениями и обязательствами, и политической умеренностью отдельных членов администрации. В этом, а не во внезапно случившемся повороте мышления Рейгана [Sher, 2019, p. 36] следует искать одну из причин, по которой уже с конца 1983 г. в администрации начинаются вести речь о возобновлении переговоров с советским руководством по широкому кругу вопросов.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01399, <https://rscf.ru/project/24-28-01399/>.

² Исключение составляли разве что санкции на поставки зерна, отмененные Рейганом уже в конце апреля 1981 г.

³ К таким механизмам были отнесены прямые инвестиции; покупка целых предприятий «под ключ»; приобретение патентов и лицензий; создание совместных предприятий и совместное развитие производств; технические обмены с последующими контактами специалистов; ноу-хау – подготовка, консультирование специалистов в области высоких технологий; внедрение высокотехнологичного оборудования (имеющего ноу-хау); приобретение технических данных и инженерной документации; предложения, предпродажные переговоры и рекламные презентации; коммерческие визиты; распродажи оборудования правительством и фирмами; продажа готовых изделий; обмены студентами по программам S&T; публикации в открытых изданиях (например, журналы, технические статьи и обзоры); конференции по программам S&T, торговые выставки и демонстрации. Кроме того, было выделено еще восемь «незаконных механизмов» – от промышленного шпионажа и контрабанды до использования подставных фирм и приобретение «чувствительных технологий» через третьи страны (Summary Report on Technology..., 1981).

⁴ Меморандум подписали директор Управления политического планирования государственного департамента Вулфовиц, помощник государственного секретаря по делам Европы Иглбергер и директор Бюро политических и военных проблем Берг. Документ получил одобрение госсекретаря А. Хейга и его советника Б. Макфарлейна.

⁵ Еще раньше, 8 июня, «сдерживание советского империализма» было названо главной целью политики США в 96-страничном аналитическом документе Межведомственной группы: «Первостепенная цель политики США в отношении Советского Союза состоит в снижении напора и сдерживании советского империализма. Для достижения этой цели целесообразно использовать меры, которые повышают для СССР цену и риски их империализма и, насколько это возможно, поощряют демократические процессы внутри СССР» (East-West Policy Study, 1981).

⁶ Представители этой группы находились во всех ведомствах, причастных к формированию внешней политики: директор ЦРУ У. Кейси, министр обороны К. Уайнбергер, его заместители Ф. Икле и Р. Пёрл, заместители госсекретаря Э. Эбрамс и П. Вулфовиц, представитель США в ООН Дж. Киркпатрик, советник президента по национальной безопасности Р. Аллен, руководитель советского и восточноевропейского направления в СНБ Р. Пайпс.

⁷ М. Тэтчер, например, по этому поводу без обиняков указывала на то, что санкции Рейгана «никак не способствовали решению частной проблемы», с которой США и их союзники сталкивались в Польше. Способы давления США на сотрудничавшие с СССР европейские фирмы она охарактеризовала как «шокирующие» (Тэтчер, 2014, с. 428–429). Тэтчер была не одинока в своих оценках. Р. Робинсон вспоминал, что «западногерманский канцлер Гельмут Шмидт, его министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер, а также президент Франции Франсуа Миттеран вместе со своим главным советником Жаком Аттали фундаментально расходились во взглядах с администрацией Рейгана относительно управления финансовыми и экономическими отношениями между Востоком и Западом, особенно в вопросах безопасности и стратегических угроз» [Robinson, 2016, p. 164].

⁸ На рубеже 1970–1980-х гг. Роджер Робинсон был вице-президентом банка *Chase Manhattan*, ответственным за пакет кредитов для Советского Союза, Восточной Европы и Югославии. С 1982 г. он курировал в СНБ разработку и выполнение международных экономических программ.

⁹ Оценивая итоги американской политики во время всей этой истории, М. Левин и И. Шевелёва с полным основанием указывают на то, что действия КОКОМ совпадали с динамикой американо-советских отношений. Им же принадлежит резонное наблюдение, что наибольшее раздражение европейцев вызвало беспрецедентное желание США «воспользоваться своим правом экстерриториальности» [Левин, Шевелёва, 2017, с. 58–59].

¹⁰ Масштабы прямых финансовых потерь СССР из-за репрессалий США подсчитать непросто. Робинсон пишет, что задержка ввода газопровода в эксплуатацию обошлась СССР в 25 млрд долларов, а из-за отказа от запуска второй ветки Москва теряла 12–15 млрд ежегодно [Robinson, 2016, p. 169]. Возможно, эти цифры завышены, тем не менее они указывают на то, что масштабы валютных потерь измерялись се-

мизначными цифрами. И эти потери по времени совпали с принятием в СССР очередной Комплексной программы научно-технического прогресса, для выполнения которой требовались значительные валютные запасы.

¹¹ И. Н. Тимофеев справедливо утверждает, что «концептуальным ядром» понятия санкции является их политическая природа, выраженная в терминах господства и силы. Это очень важный тезис, поскольку он позволяет расширительно трактовать механизмы «господства» и слагаемые «силы», включая в эти конструкции экономические, технологические, идеологические, финансовые и прочие компоненты. Однако, закрепив за каноническим набором целей санкционной политики (подрыв военного потенциала, предотвращение военных действий, смена политического режима) только политическое содержание, мы рискуем исказить историю санкционных действий республиканской администрации США в 1981–1982 гг. Целью Рейгана было желание показать системную несостоятельность социализма – его политическую ущербность, экономическую неконкурентоспособность и технологическую отсталость. Элементы триады, как представляется, были равноправными [Тимофеев, 2018, с. 28, 31].

Список источников

- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 6.
Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 13. Д. 1307. Л. 174–175.
Рейган Р. Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992. 740 с.
Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи. М.: Новости, 1990. 398 с.
Тэтчер М. Автобиография. М.: АСТ, 2014. 800 с.
Address at Commencement Exercises at the University of Notre Dame, May 17, 1981 // Ronald Reagan Presidential Library and Museum (RRPLM). Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-commencement-exercises-university-notre-dame> (accessed: 11.12.2025).
Bornstein M. East-West Technology Transfer: The Transfer of Western Technology to the USSR. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 1985. 190 p.
Dependence of Soviet Military Power on Economic Relations with West, 17 November 1981 // CIA Released Documents. Available at: <http://www.faq.s.org/cia/docs/34/0000681971/DEPENDENCE-OF-SOVIET.html> (accessed: 11.12.2025).
East-West Policy Study, July 8, 1981 // Central Intelligence Agency Electronic Library (CIA EL). Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp84b00049r000400750009-2> (accessed: 11.12.2025).
Foreign Relations of the United States (FRUS), 1981–1988, Volume III, Soviet Union, January 1981 – January 1983. Washington: United States Government Publishing Office, 2016. 926 p.
Gustafson Th. Selling the Russians the Rope? Soviet Technology Policy and U.S. Export Controls. Prepared for the Defence Advanced Research Project Agency, April 1981. Santa Monica, Calif.: Rand Corporation, 1981. 77 p.
Haig A.M., McCarry Ch. Inner Circles: How America Changed the World: a Memoir. N.Y.: Warner Books, 1992. 610 p.
Inaugural Address 1981, January 20, 1981 // RRPLM. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/inaugural-address-1981> (accessed: 11.12.2025).
National Security Council Meeting on June 30 on East-West Economic Relations, June 26, 1981 // CIA EL. Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp84b00049r000601570017-0> (accessed: 11.12.2025).
Statement on U.S. Measures Taken Against the Soviet Union Concerning Its Involvement in Poland, December 29, 1981 // RRPLM. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/statement-us-measures-taken-against-soviet-union-concerning-its-involvement-poland> (accessed: 11.12.2025).
Summary Report on Technology Transfer to Communist Countries and the Intelligence Community's Role and Effectiveness, [1] October, 1981 // CIA EL. Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp83m00914r002400100021-6> (accessed: 11.12.2025).

Библиографический список

- Батюк В.И.* Холодная война между США и СССР (1945–1991): очерки истории. М.: Весь мир, 2018. 337 с. ISBN: 978-5-7777-0751-2. EDN: ZAMHIT.
Бокарев Ю.П. Технологическая война и ее роль в геополитической конфронтации между США и СССР // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 2009. № 8. С. 252–297. EDN: RWZASR.

- Боровский Ю.В. Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3(66). С. 42–60. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-42-60. EDN: VMQUIQ.
- Гарбузов В.Н. «Рейгановская революция»: теория и практика американского консерватизма, 1981–1988. СПб.; Псков: Изд-во ПГПИ им. С.М. Кирова, 1999. 554 с. ISBN: 5-87854-103-3. EDN: XXOPHR.
- Зубок В.М. Коллапс. Гибель Советского Союза. М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. 656 с.
- Левин М.И., Шевелева И.В. Воспоминания о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65. EDN: YZMNHX.
- Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада: монография к 80-летию факультета международных отношений / под ред. Л.С. Окуневой. М.: МГИМО-Университет, 2022. 660 с.
- Лукьянов Ф.А. Борьба за мир через силу // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 5. С. 5–8. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-5-5-8. EDN: EBNSBE.
- Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 669 с. EDN: PYICNR.
- Рабуш Т.В. Санкции США против СССР, их итоги и последствия (на примере антисоветских санкций 1980 года) // Вестник Север. (Арктич.) федер. ун-та. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 45–53. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.45. EDN: XDSGEZ.
- Сафронов А. Большая советская экономика: 1917–1991. М.: Individuum: Эксмо, 2025. 792 с.
- Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь Мир, 2015. 592 с.
- Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2(59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. EDN: XPUCKL.
- Хогселлус П. Красный газ: Россия и возникновение энергетической зависимости Европы. М.: Дело, 2024. 536 с.
- Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР. Роль администрации США. М.: Родина, 2021. 304 с.
- Юнглод В.Т. Торговля и научно-техническое взаимодействие с СССР в повестке американского руководства в годы разрядки (1969–1980) // Вестник МГИМО. 2024. № 17(6). С. 7–32. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32. EDN: ADAPMK.
- Юнглод В.Т. Торговля и научно-техническое взаимодействие с США в повестке руководства СССР в годы разрядки, 1969–1982 // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13, № 2. С. 755–778. DOI: 10.15826/qr.2025.2.992. EDN: OUXRDD.
- Якупов Р.А., Якупова Д.В. «Если газопровод будет построен, мы проиграем»: стенограмма встречи Р. Рейгана с Советом национальной безопасности по вопросу антисоветских санкций [Электронный ресурс] // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36124 (дата обращения: 29.09.2025). DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36124. EDN: VONFTL.
- Bailey N.A. The Cold War in Context // The grand strategy that won the Cold War: architecture of triumph / eds. by D.E. Streusand, N.A. Bailey [et al.]. Lanham: Lexington Books, 2016. P. 25–31.
- Brands H.W. Reagan: The Life. New York: Doubleday, 2015. 805 p.
- Brown S. The Faces of Power: Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Obama. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2016. 844 p.
- Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, D.C., The Brookings Institution, 1994. 798 p.
- Irwin S.M. Technology Policy and America's Future. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. 229 p.
- La Barca G. International Trade under President Reagan US Trade Policy in the 1980s. L.: Bloomsbury ACADEMIC, 2023. 248 p.
- Oreskes N., Krige J. Science and Technology in the Global Cold War. Cambridge (Mass.): Massachusetts Institute of Technology, 2014. 456 p.
- Paulauskas M.V. Reagan, the Soviet Union, and the Cold War, 1981–1985 // A Companion to Ronald Reagan / ed. by A.L. Johns. Chichester: Wiley-Blackwell, 2015. P. 276–294.
- Rabkin Ya.M. Science between Superpowers. N.Y.: Priority Press, 1988. 119 p.

Robinson R.W.-Jr. Reagan's Soviet Economic Take-Down Strategy: Financial and Energy Elements // The Grand Strategy That Won the Cold War: Architecture of Triumph / eds. by D.E. Streusand, N.A. Bailey, F.H. Marlo, P.D. Gelpi. Lanham: Lexington Books, 2016. P. 159–174.

Schweitzer G.E. Techno-diplomacy: US-Soviet Confrontations in Science and Technology. N.Y.: Plenum Press, 1989. 320 p.

Schweitzer G.E. Scientists, Engineers, and Track-Two Diplomacy: A Half-Century of U.S.-Russian Interacademy Cooperation. Washington, DC: The National Academies Press, 2004. 166 p.

Sher G.S. A Critical History of US-Soviet Scientific Cooperation. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2019. 306 p.

Wolfe A.J. Competing with the Soviets: Science, Technology, and the State in Cold War America. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013. 176 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.03.2026

THE RONALD REAGAN ADMINISTRATION AND OVERCOMING THE "LEGACY OF DÉTENTE": THE FACTOR OF TECHNOLOGICAL SUPERIORITY IN THE US POLICY TOWARDS THE USSR, 1981–1983

V. T. Yungblud

Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, Kirov, 610000, Russia

valerteod@gmail.com

ResearcherID: J-8665-2016

Scopus Author: 57189852953

SPIN: 5963-4539

The article reveals the circumstances of the development of the U.S. policy towards the USSR and its implementation in the first two years of the R. Reagan administration. During the 1980 election campaign, Reagan and his conservative wing of the Republican Party faced the inertia of détente, which required significant efforts to overcome. Based on the digitized materials of the Memorial Center of the US President R. Reagan, documents from the U.S. State Department and the CIA, as well as documents from Russian archives such as the Russian State Archive of Economics and the Russian State Archive of National History, the article attempts to clarify when and under what circumstances the Reagan administration formed the strategic approach towards the USSR and the socialist states. Using the method of historical-dynamic analysis as the main research tool, the author concludes that when determining the model of behavior in relations with the USSR in late 1981, Reagan and his team were guided not by a binary logic (politics vs economics), but by a "holistic strategic approach" that integrated political, economic, and technological aspects. Within this triad, the ability to generate cutting-edge technologies was seen as an advantage that could give the United States a chance to gain superiority in its rivalry with the USSR. The article also argues that the Reagan administration failed to fully overcome the inertia of détente and launch a "second edition of the Cold War" from scratch. Its aggressive rhetoric and repressive political practices were largely counterbalanced by the position of its European allies and the agreements and commitments that had been in place since the détente.

Key words: Soviet-American relations, Reagan, technology transfer, sanctions, scientific and technical cooperation, the Cold War.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01399 <https://rscf.ru/en/project/24-28-01399/>.

References

Bailey, N. A. (2016). The Cold War in context. In D. E. Streusand, N. A. Bailey, F. H. Marlo, & P. D. Gelpi (Eds.), *The grand strategy that won the Cold War: Architecture of triumph* (pp. 25–31). Lexington Books.

Batyuk, V. I. (2018). *The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991): Essays on the history*. "Ves' mir" Publishing.

Bokarev, Yu. P. (2009). Technological warfare and its role in the geopolitical confrontation between the USA and the USSR. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*, 8, 252–297.

Borovsky, Y. V. (2019). The Soviet and Russian energy industry as objects of Western sanctions: Political rivalry or economic competition? *MGIMO Review of International Relations*, 3(66), 42–60.

Brands, H. W. (2015). *Reagan: The life*. Doubleday.

- Brown, S. (2016). *The faces of power: Constancy and change in United States foreign policy from Truman to Obama*. Columbia Univ. Press.
- Garbuzov, V. N. (1999). *The Reagan Revolution: Theory and practice of American conservatism, 1981–1988*. PGPI im. S.M. Kirova Publishing.
- Garthoff, R. (1994). *The great transition: American-Soviet relations and the end of the Cold War*. The Brookings Institution.
- Högselius, P. (n.d.). *Red gas: Russia and the origins of European energy dependence*. Delo Publishing.
- Irwin, S. M. (1993). *Technology policy and America's future*. St. Martin's Press.
- La Barca, G. (2023). *International trade under President Reagan US trade policy in the 1980s*. Bloomsbury Academic.
- Levin, M. I., & Sheveleva, I. V. (2017). Memories of the future: Technology transfer and the experience of the Cold War. *Finansy i biznes*, 2, 54–65.
- Lukyanov, F. A. (2025). Fighting for peace through strength. *Russia in Global Affairs*, 23(5), 5–8. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-5-8>
- Okuneva, L. S. (Ed.). (2022). *A leader against the background of an era. Traditions and innovations of modern political leadership in Western countries: A monograph dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of International Relations*. MGIMO-Universitet.
- Oreskes, N., & Krige, J. (Eds.). (2014). *Science and technology in the global cold war*. Massachusetts Institute of Technology.
- Paulauskas, M. V. (2015). Reagan, the Soviet Union, and the Cold War, 1981–1985. In A. L. Johns (Ed.), *A Companion to Ronald Reagan* (pp. 276–294). Wiley-Blackwell.
- Pechatnov, V. O., & Manykin, A. S. (2012). *The history of US foreign policy*. Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Rabkin, Ya. M. (1988). *Science between superpowers*. Priority Press.
- Rabush, T. V. (2016). US sanctions against the USSR, their results and consequences (using the example of the anti-Soviet sanctions of 1980). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, (6), 45–53.
- Robinson, R. W., Jr. (n.d.). Reagan's Soviet economic take-down strategy: Financial and energy elements. In D. E. Streusand, N. A. Bailey, F. H. Marlo, & P. D. Gelpi (Eds.), *The grand strategy that won the Cold War: Architecture of triumph* (pp. 159–174). Lexington Books.
- Safronov, A. (2025). *The great Soviet economy: 1917–1991*. Individuum, Eksmo.
- Schweitzer, G. E. (1989). *Techno-diplomacy: US-Soviet confrontations in science and technology*. Plenum Press.
- Schweitzer, G. E. (2004). *Scientists, engineers, and track-two diplomacy: A half-century of U.S.–Russian inter-academy cooperation*. The National Academies Press.
- Schweitzer, P. (2021). *The secret strategy of the collapse of the USSR. The role of the US administration*. Rodina.
- Sher, G. S. (2019). *A critical history of US-Soviet scientific cooperation*. Indiana University Press.
- Sogrin, V. V. (2015). *USA in the 20th–21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire*. "Ves' mir" Publishing.
- Timofeev, I. N. (2018). Economic sanctions as a concept of power politics. *MGIMO Review of International Relations*, 2(59), 26–42. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42>
- Wolfe, A. J. (2013). *Competing with the Soviets: Science, technology, and the state in Cold War America*. The Johns Hopkins University Press.
- Yakupov, R. A., & Yakupova, D. V. (2021). "If the gas pipeline would be built, we lose": Transcript of Reagan's speech at the US National Security Council Meeting on the sanctions against Soviet Union. *History magazine – researches*, (4). <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2021.4.36124>
- Yungblyud, V. T. (2024). Trade and scientific-technical cooperation with the USSR on the U.S. leadership's agenda during the era of détente (1969–1980). *MGIMO Review of International Relations*, 17(6), 7–32. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32>
- Yungblyud, V. T. (2025). Trade and scientific and technical cooperation with the USA on the agenda of the USSR leadership in the years of détente, 1969–1982. *Quaestio Rossica*, 13(2), 755–778. <https://doi.org/10.15826/qr.2025.2.992>
- Zubok, V. M. (2023). *Collapse. The demise of the Soviet Union*. AST.